

**Б Е Л Ы Е
З У Б Ы**

*Посвящается маме, папе
и Джимми Рэману*

Прошедшее пролог¹

*«Буря»
акт II, сцена¹*

Я благодарю Лизу и Джошуа Аппинанези за то, что они умудрились достать мне комнату, когда она была мне так нужна.

Хочу также сказать большое спасибо Тристану Хью и Ивонне Бейли-Смит, оказавшим теплый прием этой книге и ее автору.

Кроме того, я многим обязана следующим людям: Полу Хилдеру — другу и единомышленнику, Николасу Лэрду — такому же idiot savant, как и я; Донне Поппи, педантичной во всем; Саймону Проссеру — такому благоразумному редактору, о каком можно только мечтать; и, наконец, моему агенту Джорджии Гаррет, от которой ничто не ускользает.

---

¹ Перевод О. Сороки.

АРЧИ

1974, 1945

Каждый пустяк почему-то кажется сегодня чрезвычайно важным, и если о чем-то говорят, что «отсюда ничего не следует», — это звучит как богохульство. Никогда не знаешь — как это выразить? — какое наше действие или какое бездействие не повлечет за собой никаких последствий¹.

Э. М. Форстер.

«Куда боятся ступить ангелы»

Глава 1

НЕОБЫЧНЫЙ ВТОРОЙ БРАК АРЧИ ДЖОНСА

Начало дня, конец столетия, Криклвуд-Бродвей. 1 января 1975 года в 6:27 утра Альфред Арчибальд Джонс, одетый в вельветовый костюм, сидел, опустив голову на руль, в наполненном газом автомобиле, и надеялся, что суд над ним не будет слишком строгим. Он лежал ничком, открыв рот, раскинув руки, как падший ангел; в левой он сжимал армейские медали, в правой — свидетельство о браке: свои ошибки он решил забрать с собой. Зеленая стрелка светофора вспыхнула у него перед глазами, обозначив правый поворот, который он никогда не сделает. Он смирился. Он приготовился. Так выпала монетка, и он не отступится. Обдуманное самоубийство. В сущности, новогодний зарок.

---

¹ Перевод Н. Рахмановой.

Но даже когда его дыхание стало судорожным и свет перед глазами померк, Арчи знал: многим покажется странным, что он выбрал для самоубийства Крикльвуд-бродвей. Покажется странным прохожему, который заметит через ветровое стекло его осевшее тело, полицейскому, который будет составлять протокол, журналисту, которому поручат написать в местную газету полсотни слов, ближайшим родственникам, которые их прочтут. Зажатый между мощным бетонным киноцентром с одной стороны и огромной транспортной развязкой с другой, Крикльвуд был неподходящим местом. В таком месте не умирают — сюда приезжают только для того, чтобы, постояв на светофоре, мчаться дальше по трассе А41. Но Арчи Джонс не хотел умирать в каком-нибудь тихом лесу или на краю обрыва, поросшего вереском. Арчи считал, что сельские жители должны умирать на природе, городские — в городе. И это правильно. *В смерти как в жизни...* и все такое. Тут был определенный смысл: раз уж все, к чему он пришел, — это одиночество в сорок семь лет и однокомнатная квартира над полупустым продуктовым магазином, то он умрет здесь же, на этой мерзкой улице. Арчи не из тех, кто тщательно готовится к самоубийству: предсмертные записки, указания по поводу похорон, — не из тех, кто стремится все обставить красиво. Ему нужно только немного тишины, чтобы вокруг не галдели, ему нужна возможность сосредоточиться. Он хочет, чтобы было абсолютно тихо и спокойно, как в пустой исповедальне, как в тот момент, когда мысль пришла в голову, но еще не выразилась в слове.

Он хочет покончить с этим до открытия магазинов.

Над головой стая местных крылатых паразитов сорвалась с невидимого насеста и начала пикировать, как будто целясь в машину Арчи, чтобы в последний момент, двигаясь как единое целое, с грацией подкрученного мяча, заложить крутой вираж и сесть на мясной магазин «Хуссейн-Ишмаэл». Но Арчи был уже слишком далеко, чтобы

испугаться: с теплой нездешней улыбкой он наблюдал, как они гадят на белую стену, оставляя на ней синеватые полосы. Он смотрел, как они вытягивают шеи, заглядывая в сточную канаву вдоль «Хуссейн-Ишмаэла», как они следят за медленно стекающей кровью цыплят, коров и овец, развешанных вокруг магазина, будто пальто на вешалках. Неудачник. У этих голубей было чутье на неудачников... и они пронеслись мимо Арчи. Потому что, хотя он этого не знал и хотя шланг пылесоса, лежащий на пассажирском сиденье и подсоединенный к выхлопной трубе, наполнял дымом легкие Арчи, удача не покинула его в это утро. Она покрывала его тончайшим слоем, как роса. Пока он лежал, то теряя сознание, то приходя в себя, положение планет, музыка сфер, взмах прозрачных крыльев бабочки-медведицы в Центральной Африке — все то, благодаря чему Какое Только Дерьмо Ни Случается, решило дать Арчи еще один шанс. Где-то там кто-то решил, что он будет жить.

* * *

Магазин «Хуссейн-Ишмаэл» принадлежал Мо Хуссейну-Ишмаэлу, огромному детине с прической как у Элвиса Пресли: кок и хвостик, похожий на утиный. По поводу голубей Мо считал, что надо устранять не последствия, а причину: не экскременты, а самих голубей. *Настоящее дерьмо* (такова была мантра Мо) — *это голуби, а не их дерьмо*. То утро, когда Арчи чуть не умер, началось для Хуссейна-Ишмаэла как любое другое: Мо уложил свой огромный живот на подоконник, высунулся из окна и стал размахивать мясницким ножом, пытаясь остановить поток стекающей бело-синеватой массы.

— А ну кыш! Пошли вон, срущие твари! Ура! ШЕСТЬ!

Это был крикет — некогда английская игра, ныне усвоенная иммигрантами, а шесть — максимальное число голубей за один взмах.

— Варин! — крикнул Мо, победоносно подняв окровавленный нож. — Тебе отбивать. Готов?

Внизу на тротуаре стоял Варин — молодой толстый индус, направленный сюда из соседней школы для прохождения практики по какой-то дурацкой программе. Он был похож на большую печальную точку под вопросительным знаком Мо. Вся работа Варина заключалась в том, чтобы подняться по лестнице, собрать слипшиеся куски голубятины в маленький пакет с надписью «Куик-Сейв», завязать его и выбросить в мусорный бак в конце улицы.

— Пошевеливайся, Мистер Жиртрест, — вопил один из поваров Мо и бил Варина по заднице шваброй, как будто ставил тире после каждого слова. — Поднимай — сюда — свой — жирный — индусский — зад — Ганеш — Слонопопам — и — прихвати — голубиное — месиво!

Мо вытер пот со лба, фыркнул и оглядел Крикльвуд: поломанные кресла и ошметки ковров — гостинные местных бомжей, игровые автоматы, жирные ложки, такси — все покрыто голубиным пометом. Мо верил, что однажды обитатели Крикльвуда поблагодарят его за эту ежедневную войну; настанет день, когда ни мужчине, ни женщине, ни ребенку с Бродвея не придется смешивать одну часть моющего средства с четырьмя частями уксуса, чтобы счищать эту мерзость, которая покрывает весь мир. *Настоящее дерьмо*, — торжественно повторил он, — *это голуби, а не их дерьмо*. И только он, Мо, это понимает. Он оглядывал район, и в его взгляде, вполне в духе дзен-буддизма, светились умиление и доброжелательность, но только до тех пор, пока в его поле зрения не попала машина Арчи.

— Аршад!

Тощий парень жуликоватого вида, с усами как руль велосипеда, одетый во все коричневое, вышел из магазина с окровавленными ладонями.

— Аршад! — Мо, едва сдерживаясь, ткнул пальцем в сторону машины: — Мальчик, я спрошу только один раз.

— Да, Абба? — отозвался Аршад, переминаясь с ноги на ногу.

— Это что такое? Что это еще за машина? В шесть тридцать придут поставщики. В шесть тридцать здесь будет пятнадцать коровьих туш. Мне надо их затащить внутрь. Это моя работа. Понятно? Мясо придет. Так что я даже не знаю... — Мо изобразил озадаченную невинность. — Я думал, там ясно сказано: «Место доставки». — Он указал на старый деревянный ящик, надпись на котором гласила: «Стоянка запрещена для всех видов транспорта по всем дням». — Ну?

— Я не знаю, Абба.

— Аршад, сынок. Я не для того тебя нанял, чтобы ты не знал. Варин может ничего не знать. — Он высунулся из окна и треснул Варина, который осторожно, как по канату, переходил опасную канаву. От такого подзатыльника бедняга чуть не слетел с дощечки. — А тебя я нанял, чтобы ты все знал. Собирал информацию. Проливал свет на великую и неизъяснимую тайну вселенной.

— Абба?

— Выясни, какого черта там стоит эта машина, и чтоб через минуту ее там не было.

Мо исчез в доме. Вскоре Аршад вернулся. Теперь он был готов все объяснить:

— Абба!

Голова Мо снова высунулась из окна, как злобная кушקה из швейцарских часов.

— Он травится газом, Абба.

— Чего?

Аршад пожал плечами.

— Я постучал в стекло и сказал ему, чтоб убирался, а он ответил: «Я травлюсь газом, отстаньте от меня», или что-то такое.

— Никому не позволю травиться на моей территории, — оборвал его Мо и зашагал вниз по лестнице. — У меня нет на это лицензии.

Мо подошел к машине Арчи, вырвал полотенца, которые забивали щель в окне, и, нажав на стекло со всей своей бычьей силой, опустил его на пять дюймов.

— Вы что, не слышали, мистер? У нас нет лицензии на самоубийства. Здесь мясной магазин. Кошерный, понял? Если ты собирался тут помереть, друг мой, я тебя сперва хорошенько разукрашу.

Арчи поднял голову. И в тот момент, когда он уже сфокусировал взгляд на потной туше коричневого Элвиса, но еще не осознал, что жизнь к нему вернулась, ему было Видение. Он понял, что впервые с рождения Жизнь одобрила Арчи Джонса. Не просто сказала «о'кей» или «ладно-уж-продолжай-раз-начал», но громко воскликнула «Да!». Жизнь хотела Арчи. Она ревниво вырвала его из зубов смерти и снова прижала к груди. Да, он не лучшее ее детище, но он ей нужен, и, что самое удивительное, она тоже, оказывается, ему нужна.

Он лихорадочно опустил стекла с обеих сторон и глубоко вдохнул свежий воздух. Судорожно дыша, он цеплялся за фартук мясника, горячо благодарил Мо, а по его щекам текли слезы.

— Ладно, ладно, — Мо освободился от цепкой хватки Арчи и разгладил фартук, — а теперь проваливай. У меня мясо приезжает. Я тут, чтобы разделявать туши, а не утешать. Ты что здесь искал — улицу Одиночества? Так это не здесь. Здесь у нас — Криклвуд-лейн.

Не переставая благодарить мясника в промежутках между приступами кашля, Арчи дал задний ход, съехал с бордюра и повернул направо.

* * *

Арчи Джонс попытался покончить с собой из-за того, что его жена Офелия — итальянка с фиалковыми глазами и легкими усиками — недавно развелась с ним. Но он провел утро Нового года, присосавшись к шлангу пылесоса, вовсе не потому, что ее любил. А потому, что прожил с ней так долго, не любя ее. Арчи женился, как будто

купил пару туфель, принес их домой, и тут оказалось, что они не подходят. Ради соблюдения приличий он смирился. Прошло тридцать лет. И вдруг, совершенно неожиданно, туфли встали и ушли из дома. Она его бросила. Через тридцать лет.

Насколько он помнил, начинали они не хуже других. Весной 1946 года Арчи вынырнул из темноты войны во флорентийском кафе, где пенистый капуччино ему подали официантка, похожая на солнышко, — Офелия Диаджило. Она была вся в желтом, и от нее исходило тепло и сексуальность. Они вступили в брак, как зашоренные лошади. Откуда ей было знать, что женщины в жизни Арчи недолго оставались солнышками? В глубине души они ему не нравились, он им не доверял и мог любить их только тогда, когда от них исходило сияние гало. Никто не предупредил Арчи, что в ветвях семейного древа Диаджило притаились две тетки-истерички, дядя, разговаривавший с баклажанами, и кузен, который носил одежду задом наперед. В общем, они поженились и вернулись в Англию, где она очень скоро поняла свою ошибку, а он очень скоро свел ее с ума, и гало забросили на чердак собирать пыль вместе с прочим старьем и сломанными электроприборами, которые Арчи обещал когда-нибудь починить.

Среди них был пылесос.

* * *

На второй день Рождества, то есть за шесть дней до того, как он остановился у магазина Мо, Арчи вернулся в Хендон — туда, где они занимали половину дома, — вернулся за пылесосом. Это был его четвертый поход на чердак за то время, пока он перетаскивал обломки брака на свою новую квартиру, и этот давно сломанный, безобразный пылесос оказался последним, что Арчи потребовал — такие вещи забираешь только из вредности, просто

потому, что не достался дом. Развод — это когда отбираешь то, что тебе больше не нужно, у тех, кого ты больше не любишь.

— Опять ты, — сказала домработница-испанка, открыв дверь, Санта-Мария или Мария-Санта, что-то такое. — Ми-и-истер Джонс, что на этот раз? Раковину, sí?

— Пылесос, — мрачно ответил Арчи.

Она зло посмотрела на него и сплюнула на коврик в нескольких дюймах от его туфель.

— *Добро пожаловать*, сейог.

Дом стал логовом тех, кто его ненавидел. Помимо домработницы, Арчи приходилось спорить с огромной итальянской семьей Офелии, медсестрой для душевнобольных, женщиной из попечительского совета и, конечно, самой Офелией, которая была центром этого сумасшедшего дома. Его бывшая жена свернулась калачиком на диване и выла в бутылку «Бейлиза». Ему потребовалось полтора часа, чтобы прорваться через ряды противника — и зачем? Чтобы забрать сломанный пылесос, выброшенный много месяцев назад, потому что выполнял свою функцию с точностью до наоборот: разбрасывал пыль, вместо того чтобы собирать ее.

— Ми-и-истер Джонс, зачем вы сюда приходите, раз это вам так неприятно? Будьте *благоразумны*. Зачем он вам? — Домработница поднималась за ним по лестнице на чердак, вооруженная какой-то чистящей жидкостью. — Он сломан. Он вам *не нужен*. Видите? Видите? — Она воткнула вилку в розетку и продемонстрировала мертвый выключатель. Арчи вытащил вилку и молча обмотал шнур вокруг пылесоса. Он заберет пылесос, пусть даже и сломанный. Всё сломанное уйдет из этого дома вместе с ним. Он починит эти чертовы агрегаты, лишь бы только доказать, что он кое-что может.

— Вы ничего не можете! — Санта, как хвост, тащилась за ним вниз по лестнице. — Свели жену с ума. Вот и все, на что вы способны!

Прижимая пылесос к груди, Арчи вошел в наполненную людьми гостиную, достал ящик с инструментами и под прицелом дюжины осуждающих глаз принялся чинить этот сломанный агрегат.

— Только посмотрите на него, — начала одна из итальянских бабушек, вся обмотанная шарфами. Она была не такая отвратительная, как другие, и у нее было значительно меньше родинок. — Все забирает, *capisce?* Он забрал ее разум, забрал блендер и старый проигрыватель — он забирает все, кроме паркета. А она, несчастная...

Дама из совета, которая даже в безоблачные дни напоминала промокшую насквозь длинношерстную кошку, закивала:

— Что и говорить, просто отвратительно. Отвратительно! И, конечно, нам теперь заботиться о ней. А этот идиот...

Ее перебила медсестра:

— Она не может оставаться одна, ведь так?... Сам сбегал, а бедная женщина... ей же нужен нормальный дом, нужен...

Я здесь, мысленно говорил Арчи, я же тут, черт бы вас побрал, здесь я. И это был мой блендер.

Но не в его характере спорить. Он молча слушал их еще пятнадцать минут, проверяя, как пылесос засасывает кусочки газеты, пока не почувствовал, что Жизнь — это огромный рюкзак, такой тяжелый, что легче бросить его на обочине и уйти в темноту, пусть даже оставив все необходимое, чем тащить его с собой. *Тебе же не нужен блендер, старик, и пылесос тебе тоже не нужен. Только лишний груз. Брось рюкзак, Арчи, и примкни к счастливым туристам на небесах.* А как иначе? Когда бывшая жена и ее родственники жужжат в одно ухо, а пылесос — в другое, кажется, что Конец близок. И дело не в Боге или еще ком-то.

Просто Арчи чувствовал, что конец света наступил. И ему потребуется нечто большее, чем жалкое виски, бульварные романы и коробка леденцов «Кволити Стрит» — все клубничные уже выбраны, — чтобы засвидетельствовать переход в новый век.